

ЯРОСЛАВ ШИМОВ

Европейский проект и демократия

В современном массовом сознании понятия «Европа» и «демократия» стали почти синонимами. Если Европа — значит, и демократия. Это едва ли не аксиома, и задаваться какими-либо вопросами на эту тему вроде бы излишне. Между тем именно попытка ответить на три простых вопроса относительно распространенности и характера европейской демократии дает возможность представить себе более сложную и более соответствующую действительности картину современной Европы. Эти вопросы — *когда* и *где* в Старом Свете утвердилась демократия и о *какой* демократии, собственно, идет речь сейчас, когда значительная часть европейских стран вступила в фазу не только экономической, но и политической интеграции в рамках Евросоюза.

1

Хотя «триумфальное шествие» массовой демократии¹ в Европе принято связывать с эпохой либерально-демократических революций конца XVIII — первой половины XIX вв., покончивших с традиционными монархиями или подорвавших их фундамент, в действительности процесс утверждения демократического строя в западной части континента занял еще целое столетие. Только после Второй мировой войны Западная Европа окончательно стала демократической. Причем будущее европейской демократии в середине минувшего века висело на волоске: достаточно вспомнить, что в 1940 году в Старом Свете насчитывалось всего 4 государства, сохранивших демократическую форму правления, — Великобритания, Ирландия, Швейцария и Швеция². Только поражение нацизма и военно-политическое присутствие США в Западной Европе позволило ей избрать демократический путь развития. Центральная и Восточная Европа (ЦВЕ), попавшая после 1945 года в сферу влияния СССР, оказалась лишена такой возможности, которая представлялась ей лишь после крушения коммунистических режимов в 1989 — 1991 гг. И здесь от вопроса о том, *когда* Европа стала демократической, мы переходим к тому, *где* и *как* происходило утверждение демократии.

По окончании Второй мировой обе части Европы, по сути дела, превратились в заложников двух сверхдержав. В период «холодной войны» трудно го-

¹ О различиях между историческими типами демократии подробнее см., напр.: Шимов Я. Пир победенных. Современная демократия как путь к катастрофе // Логос. 2003. № 4-5. С. 65-81.

² Правда, еще в нескольких странах демократические режимы рухнули именно в 1940 г. в результате оккупации нацистской Германией. Но и таких государств было немного: Бельгия, Дания, Люксембург, Нидерланды, Норвегия и Франция.

ворить о полноценном суверенитете не только восточноевропейских сателлитов СССР, но и западноевропейских союзников США. Политика сдерживания коммунизма любой ценой («доктрина Трумэна») не предусматривала столь жесткого вмешательства США в дела их европейских партнеров, как коммунистическая «доктрина Брежнева», на основании которой было проведено вторжение в Чехословакию в 1968 году. Тем не менее послевоенный раскол Европы и ее фактическое превращение в буферную зону двух сверхдержав привели к тому, что демократические процессы в обеих частях континента были ограничены: на западе — в меньшей степени³, на востоке — в большей. В результате по обе стороны «железного занавеса» возникло недовольство качеством общественно-политической жизни. В Западной Европе, главным образом в среде левых либералов и социал-демократов, особенно после начала «перестройки» в СССР, сохранялись иллюзии относительно позитивных черт социалистической модели. Ведь о «реальном социализме» советского типа западные интеллектуалы имели смутное представление, в то время как возникшее на Западе «государство всеобщего благосостояния» действительно имело немало социалистических черт. В те времена, когда популярностью пользовалась теория конвергенции двух социально-политических систем, «многие верили в то, что коммунистический строй можно каким-то способом реформировать. Отсюда вытекала стратегия сотрудничества с теми, кто находился у власти в Москве, Восточном Берлине, Варшаве и т.д. — такого сотрудничества, которое способствовало бы либерализации системы»⁴. Эти иллюзии западных левых были развеяны лишь серией антикоммунистических переворотов и падением «железного занавеса». Однако от самого восприятия бывшего соцлагеря как территории, подлежащей либерализации и вестернизации, значительная часть западноевропейского истеблишмента и интеллектуальной элиты не отказалась, и эта идея, как мы увидим, легла в основу современной «восточной политики» ЕС.

В ЦВЕ, напротив, в 80-е годы все более распространенным становилось представление, во-первых, о невозможности какого-либо реформирования «реального социализма», и во-вторых — о демократии западного типа и свободном рынке (которые рассматривались в неразрывной связи) как единственном выходе из кризиса, вызванного разложением и крахом социалистического строя. Поэтому после падения коммунистических режимов новая политическая элита востока Европы (состоящая частично из бывших диссидентов, частично — из вовремя перекусившихся аппаратчиков), начала куда активнее выступать в защиту либеральных ценностей, которые ассоциировались у нее с Западом, нежели ведущие представители самого Запада. Однако в обществе в целом картина оказалась более сложной: помимо «официального» либерализма, во многих странах Центральной и Восточной Европы стал стремительно распространяться радикальный национализм и ультраправый консерватизм на грани фашизма, т.е. политические течения, на Западе давно пе-

³ Иногда, впрочем, и здесь эти ограничения были весьма жесткими: можно вспомнить гражданскую войну 1944 — 1948 гг. в Греции, выигранную монархистами исключительно благодаря поддержке Великобритании и США, или антикоммунистические кампании в Италии и Франции в конце 40-х — начале 50-х гг.

⁴ Lonnie R. Johnson. *Central Europe: Enemies, Neighbors, Friends*. NY — Oxford, 1996. P. 271.

решедшие в разряд маргинальных. С другой стороны, оказалось, что в Западной Европе, обросшей жирком welfare state, по словам итальянского философа Джанни Ваттимо, «проявляется тот ген «социализма», который, невзирая на всевозможные злоключения социализма реального, Европа хранит в своей культурной основе»⁵. Раскол Европы остался не преодолен, несмотря на окончание «холодной войны». Именно тогда на сцену вышел проект европейской интеграции, более известный сегодня как «расширение Евросоюза».

2

Показательно, что в массовом сознании европейцев и остального мира закрепился именно этот термин — расширение, экспансия, т.е. распространение уже существующих в рамках Евросоюза ценностей, правил и институтов на новые страны и народы. В общем, несмотря на многочисленные декларации о равноправном партнерстве, речь в действительности идет о *цивилизаторской миссии* ЕС в Центральной и Восточной Европе. Такая миссия прекрасно вписывается в представления западноевропейцев об их ближайших восточных соседях — «таких же, как мы, только более отсталых и менее цивилизованных». В своем исследовании «Изобретая Восточную Европу» американский историк и культуролог Ларри Вульф утверждает, что такое восприятие Восточной Европы родилось на Западе в эпоху Просвещения, и с тех пор этот дискурс не слишком-то изменился. «Он возник не сам по себе, — пишет Вульф, — не в силу естественных причин, и не случайно, но был продуктом создавшей его культуры, плодом интеллектуальной ловкости, орудием саморекламы и идеологической корысти... Именно Европа Западная в XVIII веке, в эпоху Просвещения, изобрела Восточную Европу, свою вспомогательную половину... На том же самом континенте, в сумрачном краю отсталости, даже варварства, цивилизованность обнаружила своего полудвойника, полупротивоположность. Так была изобретена Восточная Европа»⁶.

Экономическая отсталость восточных регионов Европы от западных стран — исторический факт, однако в восприятии Западной Европой восточных соседей продолжают доминировать соображения отнюдь не экономического, а политического и культурного характера. Центральной и Восточной Европе навязывается представление о собственной «вторичности» по отношению к Западу и о необходимости однозначного следования западным образцам. Речь идет именно о западном подходе, поскольку самооценка восточноевропейских народов изначально была лишена мазохистского ощущения своей отсталости и ущербности по сравнению с Западом. Более того, некоторые обитатели ЦВЕ в своей «гордыне» доходили до заявлений вроде лозунга патриотически настроенной венгерской шляхты конца XVIII века: *Extra Hungariam non vita est* («Вне Венгрии жизни нет»). Гордясь традициями вольности и парламентаризма, венгры и поляки любили проводить параллели между собой и англичанами как двумя наиболее приверженными демократии народами Европы. При этом говорилось «мы и англичане», но не «мы как англичане», что укладывалось бы в рамки западного *цивилизаторского* дискурса.

⁵ Дж. Ваттимо. Европейский дом // Отечественные записки. 2003. № 6.

⁶ Л. Вульф. Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М., 2003. С. 35.

В XX веке, однако, именно этот дискурс одержал верх в сознании значительной части обитателей ЦВЕ. На мой взгляд, это связано с катастрофическими для данной части Европы последствиями двух мировых войн. Пропагандировавшаяся интеллектуалами и правящими кругами вначале кайзеровской, а затем и нацистской Германии концепция *Mitteleuropa* – хозяйственного и политического объединения стран ЦВЕ и Балкан при доминирующей роли немецкого рейха – не могла быть реализована из-за поражения Германии в обоих мировых конфликтах. Распад Австро-Венгрии в 1918 году означал крушение державы, объединявшей два десятка центрально- и восточноевропейских народов и придававшей им определенный геополитический вес. После этого регион «между Германией и Россией» перестал играть какую-либо самостоятельную роль, что подтвердила вначале его оккупация нацистами, а затем – переход под власть СССР. И *Mitteleuropa*, и социалистический лагерь, и даже (хоть и в меньшей степени) монархия Габсбургов не были демократическими проектами, и все они не принесли ЦВЕ стабильности и процветания. Поэтому многим центральноевропейцам демократия начала представляться единственным способом восстановления национального достоинства и свободы народов региона, а ориентация на Запад – последним шансом на спасение. Отсюда сформулированная Миланом Кундерой концепция Центральной Европы как – с культурной и политической точек зрения – части Запада, «украденной» СССР/Россией, но обязанной вернуться «домой», на Запад. Европейская интеграция в том виде, какой она приобрела в 90-е гг. и в каком продолжается ныне, означает фактическую реализацию этой концепции.

Такой подход приносит неоднозначные результаты. Конечно, глупо было бы отрицать культурную общность и исторически сложившиеся тесные связи многих стран и народов ЦВЕ с Западом. Но, с другой стороны, наличие таких связей – вовсе не повод для отказа от собственного лица и некритического принятия всего, что приходит с Запада. Вступление ряда стран ЦВЕ в Евросоюз, намеченное на 1 мая этого года, проходит по «школьному» принципу: в Союз допущены те государства, которые хотя бы относительно успешно сдали «экзамены», т.е. привели свое законодательство, политическую и экономическую системы в соответствие с подробными требованиями, предъявленными им «учителем» – ЕС. Это нормально, поскольку члены любого сообщества должны соответствовать неким основным параметрам, на основании которых такое сообщество действует. Однако с точки зрения общевропейских ценностей нынешняя схема интеграции далека от совершенства, поскольку опирается почти исключительно на западные представления о том, какой должна быть Европа. Страны ЦВЕ, добровольно принявшие на себя роль «учеников», вынуждены будут смириться с тем, что в рамках расширенного ЕС их голос будет слышен далеко не всегда просто потому, что они – объекты придуманной Западом для себя цивилизаторской миссии. Уже разгоревшийся спор Польши с Германией и Францией, составляющими ядро ЕС, по поводу устройства руководящих органов Союза неминуемо приведет к тому, что поляки неизбежно должны будут уступить, хотя формально их поражение, вероятно, будет тщательно замаскировано – во имя сохранения европейского «единства».

Таким образом, европейский проект, стратегическая цель которого — унификация европейского пространства на либеральных принципах, важнейшими из которых являются демократия и гражданские свободы, по сути своей не слишком демократичен. В рамках расширенного ЕС еще долго будет существовать, с одной стороны, элитарный клуб наиболее крупных и богатых стран во главе с Германией и Францией, а с другой — «европейцы второго класса», прежде всего страны ЦВЕ. Такое положение обусловлено как объективными факторами, прежде всего экономической отсталостью новых членов Союза по сравнению с большинством «старожилов», так и субъективными причинами, главным образом тем, что европейская интеграция — это западный цивилизаторский проект.

Другой важный аспект, касающийся (не)демократичности этого проекта, можно назвать идеологическим. По мере приближения даты расширения, усилившего опасения многих европейцев относительно возможных последствий этого процесса, «еврооптимизм» истеблишмента ЕС и симпатизирующих ему масс-медиа стал приобретать черты достаточно жесткой идеологической конструкции. В ее основе — убежденность в универсальной, всеобщей ценности опыта Евросоюза, своего рода *евромессианство*. Как пишет Юрген Хабермас, «успешная история Евросоюза укрепила европейцев в убеждении, что отказ от осуществления государственного насилия требует и на глобальном уровне взаимного сокращения пространства для суверенных действий»⁷. Быть «евроскептиком» или просто подвергать сомнению универсальность европейского проекта, подчеркивая его незавершенность, а также уникальность исторических условий, в которых он возник, — такая позиция становится в современной Европе непопулярной. Не в том смысле, что ее приверженцы не пользуются поддержкой широкой общественности (напротив, в последнее время скептицизм многих европейцев в отношении перспектив ЕС заметно усилился), а в том, что евроистеблишмент всюду стремится отеснить носителей таких взглядов на обочину европейской политики. Им искусственно создают репутацию маргиналов, пытаясь свалить их в одну кучу с радикалами и консервативными популистами вроде Йорга Хайдера и Жана-Мари Ле Пена. Можно ли в таких условиях говорить о том, что в Евросоюзе царит дух демократии?

Другой существенный момент — элитарность и технократизм европейского проекта, идущие вразрез с демократическими декларациями лидеров ЕС. Позволю себе процитировать обозревателя британского еженедельника «Экономист», который четко выразил суть проблемы: «Еврократы давно жалуются на то, что Европейский союз, при всем значительном объеме властных полномочий, которыми он располагает, слишком часто воспринимается как безжизненная бюрократическая конструкция. Самые амбициозные “строители Европы” не раз утверждали, что после экономической и финансовой унификации следующим шагом должен стать политический союз. Но для этого европейские органы власти должны начать проводить четкую, узнаваемую (*recognizable*) политику. ЕС — чемпион в области закулисных сделок в прокуренных комнатах, но с политикой публичной у него всегда были

⁷ Ж. Деррида, Ю. Хабермас. Наше обновление после войны... // ОЗ, 2003. № 6.

проблемы. Общественные дискуссии паневропейского масштаба практически не ведутся. А европейские масс-медиа крайне мало пишут, например, о Европарламенте, хотя это орган, члены которого избираются напрямую населением, а его политическое значение растет»⁸.

И наконец – the last but not least – взаимоотношения интегрирующейся Европы с «остальным миром», прежде всего лежащим к востоку и юго-востоку от новых границ ЕС. Несмотря на провозглашаемую открытость и универсализм европейской идеи, внешняя политика Евросоюза не лишена черт несколько парадоксального изоляционизма. Особенно ярко это проявляется в отношениях между ЕС и Россией. Речь идет не о стремлении Европы изолироваться от России, а скорее о выражаемом европолитиками недовольстве нежеланием Москвы вписываться в рамки западного цивилизаторского дискурса. Можно вспомнить и многочисленные заявления руководства Евросоюза и отдельных его членов по Чечне, и то и дело выражаемую озабоченность ходом и результатами тех или иных российских выборов, и претензии к Кремлю относительно свободы прессы, и критику российской политики по отношению к некоторым странам СНГ... Полагаю, что во многих случаях претензии Евросоюза к России вполне обоснованны. Но вот стремление поставить будущее всего комплекса отношений между ЕС и Россией в зависимость от решения тех или иных частных проблем, пусть даже столь болезненных, как чеченская; попытки поставить знак равенства между границами Европы и границами ЕС; то и дело высказываемые сомнения в самой принадлежности России к Европе – все это трудно понять, а тем более принять.

11 лет назад польский журналист и путешественник Рышард Капусцинский в посвященной бывшему СССР книге «Империя» – весьма неоднозначной, но крайне интересной именно как воплощение цивилизаторского дискурса, воспринятого от Запада некоторыми центральноевропейцами, – писал: «Запад, очарованный и одновременно напуганный Россией, всегда готов прийти ей на помощь – хотя бы из соображений собственного спокойствия и мира. Запад может отказаться предоставить помощь кому-то другому, но России поможет всегда»⁹. Сегодня эти слова трудно читать иначе как с грустной улыбкой. Похоже, что в отношениях России и Запада наступила эпоха взаимной усталости и с трудом скрываемого раздражения.

Очень важно, чтобы это раздражение не переросло в конфронтацию. Если инициаторы и проводники проекта европейской интеграции действительно стремятся к тому, чтобы он соответствовал своей демократической репутации, было бы неплохо, чтобы в идеологическом багаже этого проекта универсализм и цивилизаторский пафос пошли на убыль, а признание права на *инаковость* и уважение к разнообразию политических, экономических и культурных моделей в рамках одной цивилизации заняли подобающее им место. Пока же, как констатирует в предисловии к уже упоминавшейся книге Л. Вульфа российский политолог и культуролог Алексей Миллер, «в дискурсе, созданном и воспроизводимом на Западе, Россия не может лишь по собственной воле изменить свою роль и свой образ. Не Россия поместила себя вне Европы, и не только от России зависит это преодолеть».

⁸ The Economist. June 28th – July 4th, 2003. P. 38.

⁹ Цит. по чешскому изданию: R. Kapuściński. *Imperium*. Praha, 1995. S. 314.